

84(2Р-4Ар) - 2б
к Р 60

Воля РОДИОНОВА

Люди и судьбы

г.Онега, 2007

01(к)-11(п)
к Р 60 - 20

13

Воля РОДИОНОВА

Люди и судьбы

45933

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

~~3/6~~ 451				

г.Онега, 2007

МУК
Онежская
Библиотечная система
Архангельской области

Владимирская церковь с. Подпорожье, построенная в 1757 г.

Дорогие читатели!

У вас в руках книга Воли Ивановны Родионовой – хранительницы истории Подпорожья. Книга о дорогой сердцу деревне, о земляках и родственниках ныне живущих и тех, кого уже нет с нами... Судьбы простых людей, о которых Воля Ивановна рассказывала на страницах газеты «Советская Онега» и «Онега» на протяжении десятилетий, а теперь объединила в этой книге, надолго останутся у вас в памяти. Пусть ваши дети и внуки гордятся нашей малой родиной. Спасибо Вам, Воля Ивановна, за Вашу книгу и память о нашем Подпорожье.

*С уважением
и признательностью ваши земляки.*

И УМНОЖИЛИСЬ МЫ – ЗА ТРУДЫ И СМИРЕНИЕ

Александр Петрович Кабанов - уроженец деревни Вонгуда, родился в 1871-м, умер в 1942 году. Это не выдающаяся личность, не герой - он крестьянин - середняк, отец большой семьи, и канул бы в лету, если бы не оставленный им дневник, большая рукописная книга в 380 страниц в прочном картонном переплете. Первая из трех, законченная в 1924 году. Две, к сожалению, утрачены. Первый том, (можно так назвать) хранится у внучки Галины Николаевны Кедриной, которая перечитывает дневник деда и знает почти наизусть. Не раз читал и Константин Александрович Кабанов, сын автора рукописи. Он живет на своей малой родине и, не смотря на преклонные годы (85 лет), самостоятельно управляет по хозяйству.

Место многодельное

"Первая глава "Как я свою жизнь провожал и чем занимался". До 10 лет почти не занимался. В 11 лет начал грамоте учиться, и грамота мне очень плохо далась. 4 года проучился и пошел с Чернобровым в бурлаки. Бурлацкая жизнь очень не понравилась. Мне пришла мысль, и захотелось чистить и копать. Первую чищенину завел чистить под Лукоминской горой, в то же время прилобовал поляну на Рязьме, потом у Медвежьего ручья, за Майручьем, у Сивручьа".

Разрабатывал целину Александр Петрович по осени, когда заканчивалась страдная пора на полях. Далее описывает, в каком году и сколько времени затрачено на чистку, какой лес пришлось корчевать, какая площадь расчищена.

У Медвежьего ручья место было очень многодельное: лес густой и толстый, мелкий лес очень частый. Когда работаешь очень усер-

дно и охотливо и работа трудная, думаешь, как больше поработать. Когда сядешь отдыхать, обглядишь вокруг своей многодельной работы и думаешь, если бы все чистили и копали, тогда не надо было бы грешить и вздорить о сенокосе и о хлебопашестве. Если все это место разделить, то за труды Бог будет давать каждый год по возов сена, каждая волочуга будет стоить 5 рублей, всего 50 рублей каждый год, а если за 20 лет, тогда составит большая сумма.

Как видно, на разработку целины затрачены годы, а в последствии в дневнике нашло отражение, на каком месте сколько заколей, возов сена накошено, на какую сумму продано.

Вот Александр Петрович пишет о дедушке:

"Жил дед Павел Иванович 89 лет, был он не из родовитой семьи, всю свою жизнь занимался трудолюбивым промыслом: чистил, копал, сеял рожь. За его труды Бог давал много хлеба. Хлеба хватало на год в каждый год. Излишки хлеба и сена он продавал. Держал по 2-3 лошади, 6-7 коров. Нам, наследникам, оставил по хорошей части сенокоса. Мы, все наследники Кабановы, в прежнее время жили в одном семействе, а теперь нас умножилось и разжилось много. Нам не надо забывать дедушку Павла, нужно помянуть его в святой церкви, за божьим престолом и когда молимся дома перед святой иконой - и тогда надо старца помянуть".

Родителям почтение - детям счастье

С 1909 по 1924 год описывается, как проводил каждое Христово Воскресенье.

"18 апреля 1910 года Христос Воскресе! Дождались светлого Христова Воскресенья! Утром зазвонили в 11 часов ночи. Как в большой колокол ударили, так стало весело и хорошо. Кругом церкви горели фонари. Благовест еще не кончен, народ так весело и радостно сливается со всех сторон встречать воскресшего нашего Иисуса Христа. Сходили вокруг церкви. Священник пропел: "Христос Воскресе!", "Христос Воскресе!" - запели на обоих крылесах, и очень хо-

рошо и приятно слушать Христовские тропари и кондаки. Служба прошла скоро и хорошо. Ходил к утрени и к обедне, а после ходил на колокольню. Так хорошо и весело проводил святое Христово Воскресенье".

В отдельной странице отмечено: в каком году сколько мешков и четвериков зерна засыпано на семена. Последняя запись в 1921 году - отнято 2 мешка, надо понимать - изъято, и этим закончена запись о семенах.

Сожалеет Александр Петрович, что плохо почитал родителей, но никогда не позволял себе, чтоб прийти домой пьяным и куражиться над родителями, как другие. "Пьяный-то я смирен! - пишет он:

В 1912 году умерла жена Анна в возрасте 36 лет. Осталось пятеро детей: старшей дочери - 15 лет, младшему 1 год и 8 месяцев. В это трудное время он обращается к младшим сыновьям.

"Вы малы и глупы, когда вырастите в полный возраст и если бабушка доживет - почитайте ее. Вашей бабушке очень трудно и беспокойно растить и поднимать вас на ноги. Ей 65 лет, придет с работы, поработается через силу. Леонидушка всю ночь не спит, покою не дает, очень ревливый и беспокойный. Трудно ей с вами".

С 1907 по 1917 Александр Петрович работал на Рочево. В этот период отмечено, в какой месяц и год получал поощрения деньгами за выкатку, подвозку. Премии составляли 5-13-15-17 рублей. Всего поощрений 32.

Нашли свое отражение годы, когда дети поступили в школу и сколько лет учились. 6 августа 1904 года в дневнике такая запись:

"Заметить и обратить внимание, как дети зарождаются. Детей много создано и незаметно, когда они были зарожжены. А теперь обратим внимание. Сегодня мы с Анной повалились отдыхать на сени на кровать. Сделали сношение и так палась примета, как три горошины покатались по животу. Это очень замечательное событие. Кто родится, войдет в годы и тогда можно обратить внимание, как он будет жить, счастлив или нет. Много детей зарожжено, а такого события не было".

Родился в семье сын Иван. Мать умерла, когда ему исполнилось 7 лет. Рос способным ребенком. Закончил 4 класса училища в

Вонгуде и продолжил учебу в Онеге. В дневнике отца есть страничка, где учтено, сколько денег затрачено на учебу в первый год по месяцам и всего за год 72 руб. 70 коп. В 1921 году Иван поступил на курсы учителей, учился 3 недели и уехал в Андозеро учить детей. В 1933 году Иван поступил в городе в УКОМ партии. На следующей странице указано, сколько сын зарабатывал, какую отец получил от него пользу.

Дальше записи обрываются, отсутствует 90 страниц. Но сохранились письма Ивана из Москвы, датированы 1936, 1937, 1939 годами. Они прояснили, что он учился в ВШПД, вероятно, в высшей партийной школе. После работал, пусть и не в высших эшелонах власти, но в высоких: очень много ездил по Советскому Союзу, а позднее и за рубеж.

Война поневоле

Запись от 18 июля 1914 года:

"Германия России объявила войну. Думала, что сегодня начну, а через 3 дня кончу. России не хотелось воевать, проливать кровь. Как стали наступать, и поневоле мы стали воевать.

В 1916 году погиб на войне Матвей (односельчанин). Погиб 22 сентября, известие домой пришло 5 октября в свой день Ангела...

В 1911 году настроена дорога с Вонгуды до города: работали в мае, июне, июле. Рабочие были онежане и несколько вонгужан...

В 1912 году построен первый мост через реку Вонгуда.

Работали онежане и вонгужане. 8 апреля священник провел молебен, благодарил Фроловского за его хлопоты и старания и всех христиан за то, что они протрудились и привезли по бревну. Я привез одно бревно...

В 1916 году открыта на Вонгуду потребилка, и я положил полтора пая - 15 руб. В том же году положил 80 руб. Получено дивидендов - 32 руб. 26 коп.

Есть в дневнике и глава, когда и сколько в свое время положено денег в Казначейство, и сколько получено процентов.

"...И не могу я тебя забыть"

Последние страницы дневника посвящены умершей жене. С 1912 года по 1924 Александр Петрович написал ей 24 письма. Сначала промежутки времени между письмами составляли недели, затем месяцы и далее каждый год писал в светлое Воскресенье Христово. Вот что он писал через 10 дней после ее смерти:

"Как мне после тебя жить? Не могу время коротать. Ложусь, скучаю и поминаю, встаю, скучаю и поминаю. Когда ты была жива, я пойду на работу - ты меня спроводишь, приду с работы - ты меня встретишь. А теперь я без тебя осиротел, и никому меня не придобрить. Как мы с тобой жили дружно, хорошо, в согласии. Я жил, трудился, и ты трудилась не менее меня. За все твое добро я похоронил тебя честно и благородно, поставил памятник, положил плиту с надписью. Пишу за столом, напротив твоя карточка, взгляну на тебя, и такая тоска меня одолевает, и сердце кровью обливается, грустно и тоскливо потому, что тебя не стало. Мне вечно будет не забыть тебя...

...Вот прошло шесть недель, я не могу тебя забыть. Жалею, что мы перед смертью мало с тобой говорили. Бывало, работаем на полях и пожнях, сейчас, когда приду один и заливаюсь слезами, и обливается мое сердце тоской и печалью.

...Вот уже прошло два с половиной месяца. Очень мне жить без тебя скучно, не забуду тебя никогда, а вот малы дети ничего не понимают. Когда приду или приеду откуда - все ко мне на руки лезут и кричат: "Тата-тата". Когда ты помирала, наказывала не обижать детей, и я твой наказ выполняю и никогда их не обижу. Прощай, моя дорогая, не забуду я тебя вечно.

...Прошло одиннадцать месяцев, и я не могу тебя забыть. Ты мне наказывала, чтобы не женился целый год, и тогда тебя Бог благословит, и ты будешь жить со второй женой в семь раз лучше, чем со мной. Дети живут спокойно, нельзя сказать, что они сироты: с отцом живут. Когда ты была жива, бывало, что мы с тобой куражились, ты все больше меня ухаживала, и вечно мне тебя будет не забыть.

...Прошел год после твоей смерти, и я не могу тебя забыть, когда засну крепким сном, а как приснишься, утром так радостно становится. Дети живут не в обиде и говорят, что помним, какая у нас мама была, я их всегда ласкаю. Так, должно быть, Богу угодно. И вечно я тебя не забуду.

...Прошло после твоей смерти 1 год 2 месяца и 2 недели, и не могу я тебя забыть. Мне без тебя жить очень скучно. Было время, когда ты была жива. Я сижу пишу, ты приходишь ко мне и спрашиваешь: "Что, Александр, пишешь?". Я отвечал тебе с гордостью, и говорить не хотел. Если бы это было теперь, никогда бы я тебя не обидел.

...Прошло 1 год и четыре месяца. Как мне скучно жить без тебя, и не забуду я тебя никогда. Дети живут не в обиде. Бывает, когда и поглубже скажу, они заплачут, и меня слезы одолят. Возьму я малых детей на руки, сколько мне хочется наплачусь с ними".

Женился Александр Петрович через два года. Первое письмо после женитьбы:

"Прошел 1 год и 11 месяцев, и не могу я тебя забыть. Не мог я исполнить твой один наказ: не бери молодую женку. Пришлось взять очень молодую. Она очень ласкова до наших детей, думаю, что и впредь не обидит. Тебя мне будет вечно не забыть".

Далее продолжал писать письма своей Аннушке Александр Петрович ежегодно по праздникам в Христово Воскресенье. Просил не беспокоиться о детях, живут, как с родной матерью, не обижены, одеты, обуты, ни в чем нужды не имеют. И только он скучает. Последнее письмо от 14 апреля 1924 года:

"Прошло после твоей смерти 11 годов, и не могу я тебя забыть. Нет более печали и неприятности, когда человек вдовеет, он тогда находится в большой печали, большом неудовольствии. Такая моя судьба несчастная, и я очень много потерял. Мои ребята очень мною недовольны, что я женился и взял молодую женку. Теперь у меня еще двое ребят, и мне тех и других жалко. В будущем все дело обойдется".

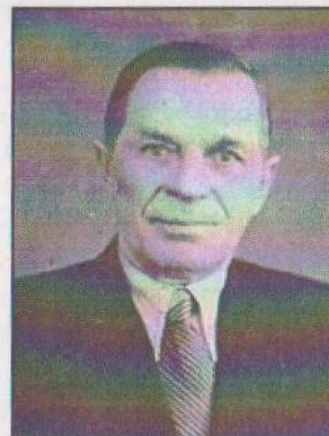
Этим письмом заканчивается первая книга летописи. До 1942 года еще много написано, но не сохранилось.

Вторая жена Александра Петровича родила еще пятерых детей, трудно было, но старшие подросли, вышли в самостоятельную жизнь. Два сына погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Всю жизнь Александр Петрович положил на алтарь сельского труда: пахал, сеял, косил, убирал урожай, все это, помимо рутинной работы на подворье. Вряд ли сейчас, да и в десятки предыдущих лет, нашелся бы такой смельчак, чтобы в одиночку с пилой, топором и лопатой начал разрабатывать целину в лесу. Спилить деревья, разделить и вывезти, выкорчевать и сжечь пни и корни деревьев и только потом вспахать, чтобы через какое-то время получить результат.

Внучка, Галина Николаевна, бывает в местах, где трудился дед. Частично там прошла мелиорация и появились молодые деревца. Со временем снова вырастет лес. Не нужны новому поколению разработанные площади, словно поданные на подносе...

КРАСНЫЙ РАЗВЕДЧИК

Терентьев
Александр Михайлович.
Фото 1959 г.

В волостном Совете собрание. П.А. Попов, прибывший накануне интервенции в Подпорожье, горячо призывает: «Всеми средствами (а средств в сельсовете набралось 7 винтовок-берданок, да 35 патронов) оказать сопротивление, задержать продвижение врага...»

Собрались группы добровольцев из восемнадцати человек и среди них двадцатилетний юноша Александр Терентьев. Саня, как добродушно называли его деревенские. Катер, на котором приехал П.А. Попов, сразу был выведен из строя, сняли запасные части и зарыли во дворе дома Терентьевых.

Восемнадцать человек не могли решить успех обороны, но действовали в силу своих возможностей: отступая, обстреливали врага, особенно при переправах через реку, обрывали связь, роняли столбы, перерезали провода.

Едва будущие партизаны покинули Подпорожье, как на окраине показался враг. Быстро разнеслась по волости весть об обыске и аресте отца Александра Михайловича.

В силу большого неравенства в численности людей и вооружении, группа смельчаков, отстреливаясь, вынуждена была отступить почти до Обозерской, пока не подошла помощь железного отряда. После двухсуточной борьбы на архангельском железнодорожном направлении онежане приехали в Плесецкую, где официально формировался партизанский отряд.

Из 60 человек 9 выделили в разведку, в том числе и Сашу Терентьева. Командиром ее назначили В.М. Гончарика.

Потекли дни, полные тревог и опасностей, перемежаясь с длинными ночами в лесных избушках, или просто под открытым небом в лесу, или под стогом сена. И праздничными были дни, когда предоставлялась возможность побыть сутки-двое в тепле домашнего очага, ощущая аромат сваренной в мундирах картошки.

К реке Онега отряд подошел разными путями, разведка - через Наволок, остальные через Обозерскую. Разведчики стремились быстрее выйти к реке и захватить пароход "Онега". Застали его в Прилуках, проверили пассажиров и обнаружили двух ходоков, возвращавшихся домой из Сороки, куда они были направлены из Турчасовской волости с прошением об оказании помощи оружием для борьбы с большевиками. Под прошением 76 подписей и резолюция коменданта Сороки об отказе в оружии. Боялся, по-видимому комендант, чтобы эти штыки не направили против их же. Прощение изъяли, а ходоков арестовали и сдали в отряд, с которым разведчики встретились в Чекуеве.

Разведка после этого была направлена в Онегу для сбора сведений о численности, расположении врага и настроении людей в городе и близ лежащих деревнях. Пришли в Подпорожье.

Подпорожская волость отличалась революционным настроением,

поэтому друзей у партизан здесь было много. С наиболее надежными состоялась встреча. Е.И. Ларионов, участник первой мировой войны, оставившей его инвалидом на всю жизнь, преданный делу революции, был направлен в Онегу, сестра Александра Терентьева - Шура - в Порог. Они должны были доставить разведчикам нужные сведения.

Выяснилось, что в городе снова восстановлено земство, создан "народный" совет, собиравшийся с вопросом создания добровольческой армии для борьбы с большевиками. Делегаты, разъезжаясь по деревням, должны были провести на местах собрания с этим же вопросом. В одно из воскресений состоялось собрание и в Подпорожье. За организацию отряда добровольцев особо старательно агитировали прапорщик А. Попов и сельский учитель Дымский.

Собрание затянулось. Разведчики сидели в сарае, ожидая исхода собрания.

Вот мужики вышли покурить, вместе с ними и учитель с прапорщиком. В щель сарая было хорошо видно, как, усевшись, кто где смог, мужики набивали трубки, скручивали сигарки. Курили молча, как бы обдумывая положение каждый по-своему. Молчание нарушил А.И. Мошков, крепкий старик с окладистой бородой, обратившись к учителю:

- А ты, Михайло Владимирович, сам-то запишись первый. Небось, боишься? Да ты ещё и мужиков наших худо знаешь, поди-ка сунься к ним, они тебе покажут...

Затея их провалилась.

Население Прионежья видело в партизанах подлинных борцов за освобождение Севера, и в октябре начался большой приток добровольцев, в основном Посадной волости. Отряд из восемнадцати человек, зародившийся в Подпорожье по инициативе П.А. Попова и В.М. Гончарика вырос в крупный Онежский партизанский отряд.

А.М. Терентьев с первого дня вступил в отряд и прошел боевую школу партизанской жизни, исколесив разведчиком все Прионежье. Репрессии врага по отношению к семье не заставили отступить юношу. Постоянные обыски, угрозы, аресты родителей не запугали его.

При очередном обыске в доме Терентьевых, не обнаружив ничего подозрительного, забрали чересседельник.

– Чересседельник-то зачем берете? - спросила Шура.

– На этом ремне мы повесим твоего брата, - пояснил Сенька Попов, бывший урядник. И как-то свела судьба Александра Михайловича с урядником. В Ниमेंге было дело.

– Сенька, где ремень-то у тебя, я - Терентьев,- представился Александр Михайлович,- пришло время тебе расчитаться со мной.

– Да что ты, я не говорил,- завилял урядник,- как бы не я, так не было бы в живых ни отца, ни матери твоих...

Друзья предлагали устроить свой суд и расстрелять урядника, но Александр Михайлович возразил:

– Сочтут нужным, без меня расстреляют...

Александр Михайлович официально не был большевиком, но сознанием своим, чувством долга перед молодой Советской республикой, шел тернистой тропой борьбы плечом к плечу с П.А. Поповым и В.М. Гончариком.

22 февраля 1969 года

КАДРИЛЬ ПЕРЕД АЛТАРЕМ,

или по ком звонили Таразан и Ефимон?

На высоком угоре последней излучины реки в селе Подпорожье стоит деревянная церковь Владимирской Богоматери. Два года назад замерцала над ней робкая звезда надежды на ремонт. Многие годы вынашивали мысль о сборе средств на ремонтные работы, как ни странно, не местные жители, а заезжие гости, выходцы земли подпорожской. По их просьбе, связавшись по телефону с В.А. Медведевым, в то время ответственным секретарем районного отделения ВООПИиК, получив от него бланк ведомости, в верхней части которого было указано конкретно - "на ремонт церкви в д. Подпорожье", я

обратилась за помощью прежде всего к односельчанам.

Побывав в нескольких домах, поняла, что это мизерные суммы: не из пухлых кошельков изымали пенсионеры по 10-20 рублей. Тем не менее собрали 1350 рублей. Небольшая сумма, но два года назад она имела еще какой-то вес. 300 рублей прислал из Люберец Московской области В.Ф. Савин, 100 руб. внесла семья Спицыных, по 50 руб. - А.И. Куксова, С.И. Ананьина из Петрозаводска, Н.А. Павлова из Архангельска, 60 руб. - А.Е. Каменева, по 25 руб. - З.А. Терентьева, Р.И. Бузикова, А.Л. Каменева из Онеги. 50 человек внесли свой скромный вклад, теперь уже никто и не знает во что.

Очень дороги для меня встречи с людьми, особенно с нашими долгожителями, только они могут сейчас рассказать хоть что-то о духовной жизни села.

Анна Николаевна Гостева, узнав о цели моего приезда, посерьезнела:

– Ой, что ты, Воля, если я не дам, так меня ведь на тот свет не пустят.

Восемь лет Анна Николаевна пела в церковном хоре, у нее об этом самые светлые воспоминания.

– Служба проходила по субботам и воскресеньям, в предпраздничные и праздничные дни, – рассказывает она, – в эти дни в церковь приходило очень много народа, собирались со всей волости. В любое время проводились церковные обряды: венчание, крещение детей, отпевание усопших. Последним священником был отец Иоанн, куда он уехал и что с ним - никто не знает.

Церковь внутри вся, начиная от входной двери, была обшита калевкой, покрашена белой краской. На высоком своде изображены лики святых. Просторный зал с хорошей акустикой, три алтаря, сверкающий позолотой иконостас.

При входе в храм налево и направо широкие лестницы вели в сени. Входили почему-то всегда через левые сени, где под потолком на шнуре размером с люстру сверкал белизной, при поступлении воздуха из открытых дверей медленно вращался макет судна с парусами и рыболовными снастями в миниатюре, символизирующий занятие прихожан в разные времена. Славилось Подпорожье когда-то

судостроением, а рыболовство - это вечный спутник здешних жителей.

Рядом с церковью стояла колокольня в двенадцать лестниц. Не сохранила память сколько было колоколов, но два больших даже имели свои имена - Ефимон и Таразан. В Пасхальную неделю все желающие, больше всего молодежь и дети, не могли удержаться, чтобы не дернуть Ефимона и Таразана. Разносился колокольный звон с высокой горы далеко по просторной глади реки и вверх по всем окрестным деревням.

- А мы, - вспоминает Надежда Андреевна Каширина, - под звон колоколов припевали нескладушки:

"Куличами затыкали, куличами затыкали, куличем заткнем, не хочу трески, хочу палтасины".

- Ни за что не восстановить церковь, какой она была, ни за что! - утверждает Надежда Андреевна.

Говорят, храм - это тело Христа. Пришло время, когда из церкви вынули душу, обескрестили, превратили в деревенский клуб и проходили здесь уже не службы, а колхозные собрания, танцы по субботам и воскресеньям, культурные мероприятия в советские праздники.

Остался в памяти Надежды Андреевны один забавный эпизод торжественного собрания, посвященного 1 Мая: "После доклада и чествования передовиков-колхозников нужно было кому-то из лучших работников выступить, а мы ведь не умели, и желающих выйти на сцену не находилось.

Но вот лучшую свинарку В.П. Заборщикovu уговорили рядом сидящие женщины и даже подтолкнули к сцене. Василиса Павловна так растерялась, что вместо праздника 1 Мая поздравила односельчан с Великой Октябрьской социалистической революцией и, не заметив, продолжила: "У меня 10 свиней крупного рогатого скота..." Зал взорвался смехом, на этом и закончила передовая колхозница".

Многие годы, вплоть до войны, наполнялась церковь песнями, танцами, под гармонь молодежь лихо отплясывала колхозную кадиль. А мы, поколение тридцатых, в светлые летние вечера - пока старшие танцевали - играли в прятки, в ляпу, бегали вокруг церкви,

прятались там, куда в свое время входили только священники.

С началом войны церковь полностью утратила свое и не свое предназначение.

Церковная фисгармония стояла в школе, в нашем 7 классе, и на переменах мы, накачивая педалями ее застаревшие "легкие", наигрывали "Чирик-пьюрик"...

Стоит сиротливо сейчас когда-то девятиглавая красавица, обдуваемая ветрами, обмываемая дождями, не в состоянии бороться со стихией, роняет одну за другой свои маковицы. Внутри сырость, полумрак, тягостная тишина, только с балки, почерневшей от времени и сырости, вспорхнет испуганная птица. С сохранившегося свода смотрят изображения святых, и, кажется, вот-вот спросят: "Что же вы с нами сделали, люди?".

17 апреля 1993 год

СУДА НЕ БЫЛО, БЫЛА СУДЬБА...

Принесла мать в добротню срубленный дом сына икону Иисуса Христа. Поместила в большом углу, помолилась, прося Господа спасти ее Васю. Принесла после того, как его в конце 1937 года арестовали, а через несколько дней он вернулся...

Вдова, потерявшая мужа, оставшись с четырьмя детьми, малючка меньше, была строгой, властной матерью. Сейчас она всем сердцем почувствовала свою вину перед сыном: во время интервенции, чтобы как-то материально поддержать семью, отправила его, 14-летнего, с обозом интервентов до Обозерской. Тот случай аукнулся сыну в 37-ом.

Только икона не спасла Василия... Простого рабочего Порожской запани, человека, далекого от политики, безупречного труженика, хорошего хозяина, замечательного семьянина, отца троих детей, признали врагом народа. Жена Шура и мать готовы были заглянуть в глаза каждого сельчанина и спросить.

Но кто-то в деревне помнил, почти двадцать лет держал в па-

мяти тот злополучный обоз. Накануне Рождества Христова вечером пришли двое и увели мужика. В тот вечер арестовали и мужа Васиной сестры Агафьи. Переночевали арестованные в сельском Совете, а утром на лошади их увезли в город.

На следующее утро жены репрессированных (такого слова тогда, впрочем, и не слышали) Шура и Агафья запрягли лошадь и поехали в Онегу с передачками мужьям. Шура взяла с собой старшего сынишку - девятилетнего Витю. Не доехав до Машелихи, встретили группу людей в сопровождении охранников. Увидели и своих мужей. Переждав на обочине дороги, пока все пройдут, женщины развернули лошадей и поехали следом. Охранники закричали: "Езжайте, куда ехали".

- Куда ехали, там нам уже нечего делать, - не растерявшись, ответили те.

В Пороге арестованных ввели в один из домов. Слезно просили Шура с Агафьей передать хотя бы курево, поговорить с мужьями. Да где там, не только не отвечали, даже не смотрели на них стражи порядка. Женщины оставили передачки в соседнем доме (в надежде, что его жильцам удастся как-то передать) и вернулись в Вонгуду, в свои осиротевшие дома.

Началась у Шуры, едва разменявшей четвертый десяток, другая жизнь, другой отсчет времени. Первое время все ждала, была уверена, разберутся и отпустят, как в первый раз. А потом ждала, что, отбыв 10-летний срок, Вася вернется. Но - увы...

*Родионова
Александра Яковлевна
Фото 60-х годов.*

45933

Очень трудными для нее были первые годы, когда соседи боялись к ней в дом заходить. Не раз приходилось слышать: "Пришла бы, Шура, к тебе, да боюсь". Кого боялись? Своих же, тех, кто жил в этой же деревне, ходил рядом, слушал, нашептывал. Потом "принималось решение" и - нет человека. Одним росчерком пера, словно пустой спичечный коробок, ломались человеческие судьбы сразу трех поколений: родителей, супругов, детей.

Казалось, для нее все кончено. Но надо крепиться, с чего-то начинать новую жизнь. Упрятила Шура глубоко в сердце горечь обиды, закрыла накрепко. Больше всего боялась, чтобы дети не росли в злобе и ненависти, чтобы не ожесточились детские сердца. Успокоение своей израненной душе нашла в труде самозабвенном, исчисляемом палочками в колхозной книжке, так называемыми - трудоднями. Только трудом на благо Родины, считала она, может доказать всем, что никакие они не враги народа, что только так может смыть грязное, позорное пятно со своей семьи.

Через три года началась Великая Отечественная, и она как бы всех сравнивала. Забыли и о семьях репрессированных. Горе, нужда, непосильный женский труд, безотцовщина почти в каждой семье - все стало общим, единым.

В 1943 году председатель колхоза предложил Шуре возглавить бригаду в своей деревне на Дальней Горе. Приятно почувствовать, наконец, доверие к себе, но она долго не соглашалась.

- Время военное, дисциплина и требования высокие, случись что, вы и меня не пощадите, - объясняла председателю основную причину отказа.

Уговорил - таки. Бригадиром Александра Яковлевна Родионова 18 лет, то есть до выхода на пенсию: сначала в колхозе, а после реорганизации - в совхозе "Онежский", на Вонгудском участке.

Она и сейчас помнит, на каком поле какой снимала урожай картофеля, зерна, на какой пожне сколько ставила стогов сена. Труд ее в военные и послевоенные годы отмечен медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.", юбилейными медалями.

Вырастила Александра Яковлевна двоих сыновей (и они уже

Онежская
Библиотечная система
Архангельской области

пенсионеры), за которых не пришлось краснеть перед людьми. Внуки, а их девять, давно вышли в самостоятельную жизнь. Есть тринадцать правнуков от двух до двадцати лет, скоро и праправнуков дождется. Так что большая и очень трудная жизнь прожита не зря.

Живет сейчас прауродительница большой семьи на станции Вонгуда, у старшего сына Виктора. Согрета теплом доброго сердца снохи Марии Семеновны. А когда сойдет снег, пригреет солнышко, возвращается она на лето к своему родному очагу. Здесь все родное, близкое сердцу. Здесь и прожитые годы не так далеки, воспоминация, которые постоянно возвращают ее в события 56-летней давности. Попросишь Александру Яковлевну, и она расскажет, как узнала от одного оправданного, вернувшегося домой мужчины, что муж ее отбывает срок в Плесецке... В один из вьюжных февральских дней, рано утром, вышла она из дома и направилась пешком через Порог по той дороге, что прошел этапом полтора месяца назад ее Вася. По счастливой случайности в Топьево встретился знакомый человек: помог, подвез на лошади до Чекуево, посадил на попутную машину до Обозерской, а там уже добиралась поездом. Но разрешения на свидание не получила. Весной снова решила навестить те места: ушел Вася по зиме в валенках, решила отвезти ему сапоги. На этот раз разрешили свидание на 5 минут. Муж принес гостинцы - две ватрушки.

– Это, - говорит, - за ударный труд нам дают добавку к суточной норме питания... Спасибо, Шура, что сапоги привезла, нас на сплав отправляют, выдали парусиновые ботинки.

Шура только и успела спросить:

– Вася, а за что тебя?

– Не знаю, суда никакого не было, утром нас выстроили и зачитали, что все приговорены к 10 годам лишения свободы без права переписки. И - все.

Попыталась она встретиться с мужем и в третий раз, но свидания не разрешили. Охранник смеется:

– Молодая, красивая, выходи за меня замуж.

– Выйду, если разрешишь мне каждый день с мужем встречаться, - ответила грубо, словно отрезала.

– Ишь, какая хитрая, - и отвернулся, видно самому стало стыдно за неуместную шутку.

А вскоре след мужа затерялся совсем: говорят, что увезли на Печору.

Очень подробно рассказывает Александра Яковлевна о своих поездках, дорожных ситуациях и приключениях молодой деревенской, нигде не бывавшей, женщины. Рассказ сопровождается слезами обиды, спрятанной в глубине души еще в те давние времена...

сентябрь 1994 г.

РОДИНА НАС НЕ ЗАБУДЕТ

Куда же это девчонки пробежали мимо? На лицах выражение обеспокоенности. В контору? Мелькнула мысль: что-то случилось.

Митя, оставив на крыльце своего собеседника, поспешил влед. Но, войдя, успокоился. Одна из девчонок говорила по телефону и писала. Оказалось: нужно было принять телефонограмму, а дежурившая в конторе Талецкой запани по случаю ледохода, молодая работница Шура Конкиева, никогда этого не делала и позвала на помощь свою двоюродную сестричку Аню Глазову, заканчивающую этой весной восьмой класс.

Митя наблюдал, как из-под пера выскакивали буква за буквой, складываясь в слова, и думал: почему это я ее не замечал раньше?

Жили они не один год рядом, крыльцо в крыльцо, он - в общезжитии, она - в соседнем доме. Не обращал внимания: бегала девчушка с портфелем в школу, из школы, а тут вдруг показалась взрослой, серьезной.

С этого дня началась дружба двух молодых людей, ей - 16, ему - 19.

А потом... Любовались ледоходом: в берегу лед еще стоял без движения, а по середине реки сплошной лавиной двигался вниз к морю. Митя показывал Ане свою родную деревню Наумовскую.

– Вон, видишь - домики виднеются из-за поворота? - Там живут моя мама, отчим, сестренка. Мой отец умер, я его не помню. Отчим хороший человек. Он мне рассказывал, как был арестован и сидел в архангельской тюрьме за помощь партизанам в годы интервенции.

Ходили они в кинотеатр "Октябрь". Любили гулять по проспекту Кирова, главному проспекту города в то время. Провожали солнышко на закате. Выбегали, взявшись за руки на боны, идущие от берега на середину реки. Наклоняясь, смотрелись в зеркальную гладь. Чуть качнешь бон, и отражение расплывается по волнистой ряби.

Сидели на лавочке около дома, а вокруг все просыпалось после долгой зимней спячки. Пробивающаяся к солнцу мягкая шелковистая трава, свежевскопаные грядки в огородах, молодая листва, аромат соснового бора - все тревожило молодые души.

Никогда они не воспринимали так все окружающее, как сейчас вдвоем, словно вновь открыли для себя красоту этого уголка родного края, что в верховье города. Именно в верховье, здесь они были счастливы.

Много говорили, радовались тому, что они есть, что они живут. Планов не строили: Мите осенью в армию, Аня будет еще учиться. Верили, что спустя три года, пять, сколько нужно, они вернутся сюда.

Но черная туча войны в воскресный день нависла над Родиной, омрачила счастливую юность.

Митя по-прежнему работал. Аню, как и многих комсо-

Брат – Анисим Дмитрий Семёнович. Сын мамы от первого брака: родители поженились будучи вдовыми. Фото 1941 года.

мольцев, почти каждый день вызывали в военкомат: они разносили повестки военнообязанным.

Осенью пришло время призыва в ряды РККА и Мити. Аня в то время временно работала в бригаде отца учетчицей леса.

Всех призывников собрали в театре, что замыкал проспект Кирова, и они находились там два дня. В день отправки Аня была на работе. Слышит: с берега кто-то кричит и машет газетным свертком. Сразу узнала - это Митя. Рабочие уговорили отца-бригадира сделать перекур, перевезли ее на лодке на берег. Здесь они при всем честном народе - толпа на берегу, бригада на рейде - растались и - навсегда.

А сверток, первый и единственный подарок, Митя просил вернуть, когда придет домой. Он не просил Аню ждать, но просьбу эту можно было прочесть в его глазах. Думали ли они, что это их последнее свидание? Наверное, нет. Человек всегда надеется на лучшее. Потом Аня видела, как призывники пошли строем и скрылись за углом.

Она, как в бреду, закончила остаток смены. Рабочие переговаривались, сочувственно глядя на нее: "Овдовела девка сразу". Придя с работы, развернула сверток, а там две ситцевые сорочки розового и василькового цвета, вышитые гладью.

Митя полгода проходил военную подготовку в Молотовске (ныне Северодвинск). Писал нам, предлагал мне, сестре, соревноваться в учебе и я старалась. В каждом письме обязательно несколько строчек об Ане, просил писать ей и не терять связь.

16 марта 1942 года братик мой воинским эшелоном проезжал мимо нашей станции Грибаниха, выбросил на ходу поезда небольшое письмо на желтом листе бумаги, написанное химическим карандашом, свернутое в солдатский треугольник. Письмо принесла стрелочница, дежурившая в этот день. Он писал: "Дорогие мои, еду мимо дома, знаете куда. За меня не беспокойтесь, если что - Родина не забудет нас и о вас позаботится".

Какую думу думал он под стук колес поезда, уносящего его все дальше и дальше от родных мест? Наверное, вспоминал прошлое и мысленно готовился, как и его боевые товарищи, к первой встрече с врагом.

Мы поняли, что его отправили на Карельский фронт. Глубоко закралась тревога, с нетерпением ждали весточки, но так и не дождались. В начале мая почтальон принес письмо с незнакомым почерком на конверте, а в нем извещение за подписью командира воинской части, где сообщалось: "Ваш сын, рядовой Аннин Дмитрий Семенович, проявив героизм и мужество, погиб смертью храбрых 22 апреля 1942 года".

ПРЯМАЯ БОРОЗДА

В их памяти годы войны слились в одну бесконечную дорогу

Самовар, приобретенный в свое время на большую семью, монотонно насвистывает мелодию своей песни, пускает пары в потолок. Гостеприимная хозяйка, Елизавета Кузьмовна, хлопочет около стола, приговаривая, как бы в оправдание: "Ой, не ждала я гостей, а

Келарева Елизавета Кузьмовна (слева) и Каширина Надежда Андреевна. Фото 1988 года.

то бы испекла чего-нибудь, у меня и дрожжи-то есть". А на столе - и сахар, и конфеты, печенье и белый хлеб с маслом - все, что надо к чаю.

Входит соседка, Надежда Андреевна Каширина. Немного замешкавшись у порога, разделась и по приглашению хозяйки заняла свободный стул за столом.

- Не хочу чаю-то, недавно пила. Смотрю я в окно и думаю: кто в такую погоду к Лизе идет?

За кипящим самоваром, как во все времена на Севере, человек словно оттаивает, именно за чаем он может открыть сокровенное, поведать о своих повседневных делах и заботах.

Женщины охотно согласились поделиться воспоминанием. За чаем, собственно, мы и пришли с Капитолиной Павловной Вересовой, чтобы еще раз прикоснуться к памяти, святой памяти тех страшных военных лет. А она так прочно осела и настолько свежа, словно не четыре с лишним десятка лет назад происходило, а год-два.

* * *

Хоть и не дошел враг до наших мест, но круто прошлась война по Подпорожью. Как и повсюду, в первые дни забрали лучших мужиков, отняли отцов у детей, сыновей у матерей.

- У Павлы Борисовой осталось пятеро на руках, шестым беременная была, да свекровь старенькая, - вспоминает Надежда Андреевна, - У Юльи Великановой, Лиды Парутиной, Маруси Залеских, Тани Кашириной - по трое, у другой Тани Кашириной, Павлы Келаревой, Мани Вересовой - по двое. Я тоже с двумя осталась: одному пять лет, другому - три, третьего носила, в сентябре дочку родила. Лиза вот второго тоже родила, когда Михаил на фронте был. Это неполный список двух деревень...

- Провожали мы с Палей мужей в один день. Поехали с ними в город на варповалке - катер такой был, - продолжает рассказ Елизавета Кузьминична, - подъезжаем, а на пристани их уже встречают, выстроили и с пристани строем повели в верховье. За городом нахо-

дились месяц, проходили военную подготовку. Мы несколько раз ездили к ним, встречаться не разрешали почему-то, издали смотрели и все.

А вот Пете моему за этот месяц посчастливилось побывать дома. Его зачем-то отправили в Вонгуду, на обратном пути он оставил лошадь в Каменихе и приехал на лодке домой всего на один час. Провожали его на берег. Женя плачет: "С папой хочу". Петя сел в лодку, стал быстро грести. Мы стояли и плакали. Это были его последние шаги от родного порога...

Не может сдерживать слезы Надежда Андреевна и сейчас. Вспомнили женщины, как узнали о дне отъезда мужей из Онеги, ездили провожать, но не удалось ни попрощаться, ни словом обмолвиться. Сколько было слез – страшно вспомнить. Сейчас иногда видишь в фильмах, как провожали на фронт с гармошкой да плясками, сомневаешься: до плясок было ли тогда...

Вернулись домой. Сколько не плачь, а слезами не проживешь. Времени на слезу не оставалось, разве что ночью. Но и та была коротка: спать ложились за полночь, поднимались ни свет, ни заря, надо было до работы отряпаться по хозяйству, ребятам что-то приготовить.

Да, все тяготы жизни, все заботы по дому, семье, хозяйству легли на плечи молодых солдаток, которым в то время было от 20 до 25 лет.

По Подпорожью война без воздушных налетов, без скрежета вражеских танков, без обстрелов. Она шла в похоронках на мужей, отцов, сыновей. Она шла в тяжелом ручном, не ограничивающемся ни временем, ни объемом, труде женщин, не всегда сытых и одетых, стиснувших зубы в горе, в злобе на врага.

Я часто вспоминаю старшую сестру, что овдовела с шестью детьми на руках. В памяти остался такой момент: мы, школьники сажали в колхозе картофель. Шла я за плугом сестры. Не видела ничего кроме сырой, свежей борозды и ее ног в старых, рваных, стоптанных ботинках...

Придешь к ним: белые головки четырех сестричек торчат на русской печке. Старшая, Валерия, просит:

– Мама, я пойду на улицу.

– Нет, не пойдешь, обутку порвешь, в чем в школу пойдешь? Сходишь, промнешься, потом есть просить будешь?

Других пояснений в причине отказа не требовалось. Весной все чаще и чаще можно было слышать от родителей, да и дети ждали с нетерпением: скорее бы на подножный корм. А это корни молочая из едва оттаявшей земли, потом съедобные травы, зеленые еще ягоды.

* * *

– Помнишь, Надя,- прерывает мои мысли Елизавета Кузьмовна, - мы за осень по 50 овинов молотили вручную, один обмолотим, второй на завтра готовим.

Приехал из города какой-то начальник и у нас в соломе нашел три колоска, положил в носовой платок, как доказательство, что плохо молотили. Переживали мы, думали: оштрафует, снимут сколько-нибудь трудодней. Нет, обошлось.

Зимой сено возили из Понгасова, - продолжает Надежда Андреевна. – Как-то дело было к вечеру, уже темнеть начало. Подъезжаем к железной дороге, там путейцы работают, и мастер такой Мишустин – нас никак не пропускает. Езжайте, говорит, обратно и через переезд. А это несколько километров, когда бы мы домой приехали? Я как закричу на него, стеганули лошадь и - напролом. Лиза за мной. Мастер только в снегу кувыркался. Не осердился, здоровался потом, улыбался.

– Он ведь прав был, - говорит Елизавета Кузьмовна, - вдруг что-нибудь случилось бы с дровнями, поезд могли бы задержать, а мы об этом не думали.

Надежда Андреевна возила сено и в Кянду за 70 километров. Ежегодно выезжала туда бригада рыбаков со своими колхозными лошадьми на зимнюю путину. Ловили навагу, селедку.

– Съездишь раз, - говорит, - дадут талон на 1 кг муки, а хлебом отоваривали 1 кг 400 гр., когда рыба ловится - еще 2 кг рыбы получишь. Привезешь домой, пока второй раз съездишь, ребята съедят, да и чего тут есть-то вчетвером.

Откуда только сила бралась, удивляются сейчас женщины, день отработаем, а вечером отстряпаемся дома, подоим коров, нагрузимся молоком и несем за шесть километров в лесопункт продавать, глядишь, и деньги подкопишь и что-то купишь ребятам в городе на базаре.

* * *

– Не всегда к нам, семьям фронтовиков, относились с вниманием, - вздыхает Надежда Андреевна, - кто пережил войну в деревне - знает, что корова в хозяйстве кормилица. С сеном было трудно, косить себе не разрешали. Кто в сенокосную страду работал на заготовке кормов, тому определенный процент заготовленного отчислялся для личного хозяйства. Я как-то летом работала на ферме. Попросила председателя колхоза перевести меня на сенокос, а он отвечает: "Ладно, подожди до осени". Приходит осень, иду к нему. А он говорит: "Где раньше-то была?"

Хорошо еще удалось купить воз соломы в Пороге, сена выменяла на мануфактуру да полтеленка отдала. Кое-как передержали корову, как бы без нее жить стала с малыми детьми?

А похороны шли. Осиротели все вышеперечисленные семьи. Вернулся только в 43-м один - муж Елизаветы Кузьмовны - Михаил Иванович Келарев.

– Израненный, пришел со станции на костылях, - вспоминает она, - весь перебинтованный, не знаю, как и дошел.

Мне сказали, что там Михаил идет, я побежала навстречу, так растерялась, испугалась, даже не поздоровалась, припала к его груди. Собрался народ, все смотрят на него и плачут: 28 лет и такой инвалид.

Вот оно, впервые увиденное живое лицо зверски жестокой войны.

Дома открылись и загноились раны. Хорошо, что неподалеку жила врач, эвакуированная. Она его и вылечила. Два с половиной года никуда дальше крылечка не ходил.

Дали ему инвалидность, третью группу и 20 рублей пенсии.

Написали мы в Москву, выслали выписки из госпиталя и оттуда пришел ответ: дать вторую группу пожизненно. Как только начал ходить с палочкой, то сразу стал работать в колхозе бригадиром, и всю жизнь посвятил работе на селе. Помогал колхозу, даже когда далеко шагнул за порог пенсионного возраста.

* * *

Надежда Андреевна в том же 43-м получила извещение о том, что муж погиб на Кестеньгском направлении Карельского фронта. Осталась одна - голова, надежда и опора осиротевшей семьи.

* * *

... Слушаешь этих пожилых деревенских женщин и думаешь: в их памяти годы войны слились в одну бесконечную дорогу. Особенно много пришлось вынести вдовам, но всенародное горе, общность судеб, тяжелейшая работа, сострадание, готовность помочь друг другу - объединяло их и помогало выстоять.

Обидно слышать сейчас, по мнению Надежды Андреевны, как некоторые скажут, что весну, лето, осень проработали, а зиму у окошка сидим. Кто же в войну у окошечка сидел? Да и после было ли время сидеть, как у нас такие семьи, детей надо было поднимать. Работы и зимой всем находилось. Старики да девчонки на зиму уезжали в море на путину - колхоз был рыболовецкий, а лесозаготовки-то: не успеешь с урожаем справиться, как в лес всех забирали - и до посева. Те, что с ребятами остались, на ферме работали, конюшили, возили сено, навоз на поля. Не знали ни выходных, ни отпусков, ни больничных, ни декретных.

Пенсию первую получили, когда уж за 60 было и продолжали работать. Сначала по 5 рублей дали (а Надежде Андреевне 3 - за то, что сын ушел из колхоза на производство). Потом прибавили до 8 рублей, потом стало 12, 24, а сейчас уж совсем хорошо - 50, да кол-

хоз доплачивает ежемесячно по 10 рублей.

Труд Надежды Андреевны и Елизаветы Кузьмовны, как и многих других, отмечен медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г." и юбилейными медалями в связи с 30, 40-летием Победы. Они хранят награды как самое дорогое из всего, что у них есть, как память о прожитой, уготованной им судьбой, нелегкой, полной забот и испытаний жизни.

...За воспоминаниями, за просмотром семейных альбомов Елизаветы Кузьмовны быстро пролетели четыре часа. В магазин уже должны привезти хлеб, и Надежда Андреевна с беспокойством поглядывала из окна на реку: не прозевать бы. Мы быстро оделись, вышли. По пересеченной тропинке спустились к реке. Здесь, поблагодарив за встречу, попрощались и разошлись: старушки - в магазин, мы - домой.

Я оглянулась: идут друг за другом, согнувшись, навстречу ветру. Вот так более полувека, считай, всю жизнь шли рядом или друг за другом, как в поле за плугом в руках: одна впереди, другая - сзади и наоборот. Ведут каждая прямую, глубокую борозду своей безупречной жизни.

Июнь 1988 г.

ДОМ

Стоит дом на деревне. Словно богатырь, возвышается он над старыми и новыми постройками. Ему видны все окрестные деревни, и даже город из его окна смотрится, как на ладошке. Стройный, в два этажа, молчаливый свидетель судеб. Судеб людей, обитавших в его стенах, добрых, скромных, трудолюбивых, за жизнью которых крохотная частичка большого, родного отечества.

Не так уж долго теплился в доме семейный очаг, всего сорок лет из семидесяти, но сослужил верную службу родным, близким, односельчанам и приезжему люду.

Построил дом Павел Александрович Вересовой с расчетом на большую семью, хотя все дети к этому времени определились в жизни. Только сын Петр, работая на сплаве, остался при родителях с молодой женой Маней. Их первенца Веню и внесли первым в новый дом в 1929 году.

Жизнь текла размеренно. Павел Александрович, уже немолодой, вступил в колхоз одним из первых и окунулся в общественный труд: строил первую в Наумовской колхозную ферму, клуб, в здании которого размещалась и контора колхоза, и начальная школа. Мастер на все руки, он и дровни мог сделать, и лодку сшить, и сбрую починить, не говоря уже о граблях, вилах, косах. Жена, Акулина Ивановна, нянчила детей, помогала молодой снохе управляться по хозяйству, Маня работала в колхозе. В доме Вересовых снимал квартиру один из первых председателей колхоза - Капитон Васильевич Завьялов, приехавший из Рочевской коммуны. В конце 30-х годов в Подпорожье сгорели две мельницы - Дмитриевская на Лебязьем ручье и на правом берегу реки, против Наумовской, тоже на ручье, который сейчас называют Мельничным.

Павел Александрович на небольшой терраске своего дома отгородил уголок, установил жернов. И полдеревни, у кого не было своих жерновов, мололо здесь муку. Дом в это время представлял собой информационный центр. Несли сюда односельчане радости и горести. Здесь первыми узнавали, кому пришло с войны письмо, кому - похоронка, каковы успехи на путине в Покровском или Кянде. Как дела на лесозаготовках, кто из детей получил в школе "отлично", а кто - "плохо".

Дети околачивались здесь после школы, занимая очередь на жернов и блюли ее, пока не придут родители. Собиралась ребятня в закутке, занимали угол от дверей до окна на деревянном диване. Терпеливые хозяева, казалось, не замечали их шалостей. Только когда доходило до "кучи малой", Павел Александрович скажет:

- Ну-ка, хватит, сейчас на мороз пойдете, - и все затихали.

Только весной, когда кончалось зерно, до нового урожая Вересовые обретали покой. Во время строительства железной дороги в пустых домах разместили заключенных, в жилых - охранников. А в

доме Вересовых второй этаж отдали под пекарню. Какой пышный, красивый на вид, аппетитный хлеб, по сравнению с нашими житниками, пекли заключенные. Но почему-то совершенно бессольный.

Как-то в деревню приехал из города милиционер, сообщил, что с Соловков сбежали двое заключенных, что они особо опасные преступники. Предупредил о бдительности, особенно в лесу. И кто бы мог подумать, что Петр встретит их.

В Кернешке, на половине дороги между Наумовской и Легашевской, у сплавщиков стояла изба. Здесь они обедали, иногда ночевали: катеров в то время не было, домой ходить далеко. Придя однажды на обед с напарником Прибытковым первыми, застали в избе двоих. Прибытков и кричит:

– Давай кол, Петро!

Петя, не осмыслив зачем, схватил кол и в избу. Мимо него пробежал человек. Прибытков вырвал кол из рук Пети, треснул по голове незнакомца и убил. Испугались сначала мужики, а потом успокоились: это ведь один из тех, о ком милиционер предупреждал. Заявили в милицию. За то, что принес кол, Пете дали полтора года заключения.

Едва Петр успел вернуться домой, как началась война. И семья осталась без мужа, отца, сына. Взвалила на себя всю тяжесть тех лет молодая хозяйка Маня. Безропотно несла свой крест, пока не смог помогать сын. Перед началом войны приехала в гости из Ленинграда родственница Акулины Ивановны, она почти каждое лето бывала на родине. Приехала старушка, да так и осталась у Вересовых. В Ленинграде сын - капитан дальнего плавания с семьей. Переживала за них, гипертонией страдала, как-то пошла в баню и умерла.

В блокадном Ленинграде остался и сын Павла Александровича - Иван с женой Ольгой и двумя детьми. Ольга Павловна умерла от голода. Иван Павлович с сыном и дочерью на грузовой машине по "Дороге жизни" через Ладожское озеро выехали под бомбежками из окруженного врагом города. Поездом добрались до Вологды, здесь пересадка на мурманский поезд, а там, почитай, и дома.

В Вологде на вокзале блокадникам выдавали талоны на бесплатный обед. Иван Павлович, опухший от голода, пошел за талона-

ми. В очереди потерял сознание и попал в больницу. Тоже самое повторил сын Зиновий. Ждала-ждала девятилетняя Люся, и поняла - осталась одна. Заметил девочку дежурный милиционер. Привезли в детский приемник-распределитель, а оттуда в детский дом, в глубинку Вологодской области. Плохо знала Люся адрес бабушки, но письмо написала чуть ли не "на деревню бабушке". Письмо нашло адресата, в нем она просила: "Бабушка, заведи меня отсюда".

Бабушка уже сам был в числе четырех иждивенцев. Трудно жили, как и все: хлеба от урожая до урожая не хватало. Бабушка Акулина, нет-нет, да и упрекнет деда:

– Говорила тебе, иди в сплавную работать, так ты - в колхоз, теперь бы пенсию получали и карточки на хлеб давали.

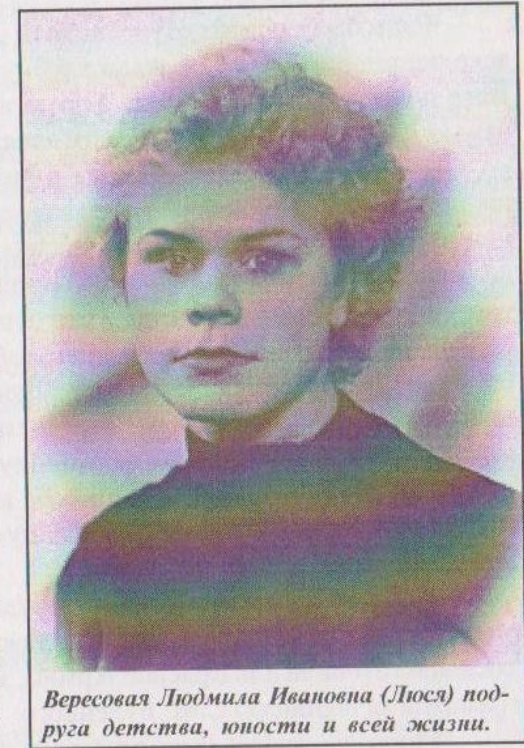
Павел Александрович только крикнет, погладит пышную, подстриженную бородку, и разговор окончен.

Собрали семейный совет и решили взять Люсю к себе. Маня у начальника станции Грибаниха спросила, как ехать.

– Долго ли до Вологды съездить, за три дня обернешься.

Она и взяла пропитание на себя и Люсю, даже с запасом, и поехала. Прошло десять дней, а Маня не возвращается, и все встревожились, она ведь нигде не бывала, кроме Онеги.

Маня же сто километров шла пешком от деревни к деревне. Спасибо людям добрым: дали санки, и тащила она ослабленного ре-

Вересова Людмила Ивановна (Люся) подруга детства, юности и всей жизни.

бенка в мороз и ветер по заснеженной проселочной дороге. Люся плакала от холода, уткнувшись в платок, и тихонько звала: "Мама, мамочка". Добрались-таки до дома на двенадцатый день, грязные, уставшие, голодные. Вся деревня побывала в доме Вересовых. Люся постоянно ощущала чувство голода и не могла понять: зачем выбрасывать картофельные очистки, она бы их с удовольствием ела. А тетя Маня объяснила, что коровка тоже есть хочет, зато даст больше молока.

Рады были новой сестренке дети - Вениа и Галя. Люсю в сельсовете поставили на учет, выдали хлебную карточку на 400 гр в день. Вениа пришлось бросить учебу и помогать матери кормить большую семью. Он работал в колхозе, охотился, рыбачил.

Прикрепившись, Люся пошла в школу. Одноэтажная сельская школа показалась ей маленькой, в классах керосиновые лампы, а звонок подает техничка. Согретая теплом, заботой, любовью родных, девочка старалась подавлять в себе воспоминание об ужасах пережитого, и боль утраты потихоньку утихала. Со временем совсем повеселела, на щеках появился румянец, заблестели глазенки. Она любила петь, но бабушка запрещала: "Люська, перестань петь, отца с матерью пропела, да еще и нас с дедом пропоешь". Но внучка уже не могла не петь. Выйдет летом за околицу в поля, где тишину нарушает только треск кузнечиков, даст себе волю и запоеет во весь голос: "Широка страна моя родная" или "А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер".

Жизнь продолжалась. Маня трудилась на пашне, летом - на сенокосе, осенью - на жатве, зимой ухаживала за лошадьми. Лучших лошадей готовили для Красной Армии, за что и была она награждена грамотой за подписью С.М. Буденного.

Много лет красовалась в рамке на стене Почетная грамота, пока совсем не выцвела. Награждена Мария Ильинична и медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-45 г.г."

На Петра Павловича пришло извещение: "Пропал без вести", и по этой причине остались дети и старики без пенсии на сына и отца.

Люся в сорок седьмом вернулась в Ленинград, поступила в ФЗО на базе завода "Красный треугольник". С единственной записью в

трудоустройке Людмила Ивановна вышла на пенсию с "Красного треугольника". Живет она в родном городе С.-Петербурге, где в свое время получила жилплощадь взамен утраченной во время блокады. С теплотой и глубокой благодарностью вспоминает тетю Маню, что заменила ей маму в самый трудный период ее жизни.

Вениа в 1948 году призвали в армию, после службы в колхозе не вернулся. Галя вышла замуж и тоже покинула родные стены. Ушли из жизни милые, добрые старички. Мария Ильинична под старость переехала к дочери на Поньгу, и погас домашний очаг.

Остался дом коротать свой век, стоял когда-то в центре деревни, а оказался на обочине: все соседи ушли по реке в город, на Поньгу, в Легашевскую, Анду. Вдохнул родному дому здоровье Вениамина Петровича. Проживал в Карелии, но каждое лето приезжал на родину. Заменял нижние ряды, покрыл шифером крышу, подремонтировал крылечко, все покрасил. Только не дошли руки до первого этажа, теперь уж и самому требуется серьезное лечение - ему, как и дому, 70.

Стоит дом, по-видимому, в ожидании новых хозяев, но это будут другие люди, у них будет другая жизнь и своя судьба.

январь 2000 год

МАЛЕНЬКАЯ КОРМИЛИЦА

В первые месяцы Великой Отечественной войны к нам, в Подпорожье, из Карелии эвакуировался Кестеньгский лестранхоз, весь рабочий коллектив с семьями. Поначалу семьи расквартировались по деревням. В нашем доме приют нашла семья Хорьковых: мать и двое детей - дочь и сын. Жили они недолго. Лестранхоз быстро отремонтировал бараки на ст. Грибаниха на 230-м километре, оставшиеся от заключенных после строительства железной дороги, и к зиме уже все переехали туда.

В конце августа в деревне появилась девочка. А это значит - она прошла 5 километров от станции, где жила ее семья: больная мать и еще четверо детишек младше ее. Отец, конечно, на фронте. Девочке лет десять. Из-под старенького платка, натянутого на лицо и обмотанного вокруг шеи, был виден один остренький носик. Мальчишечье, не по размеру пальтишко висело на ней, как на кольшке. Худенькие ножки обернуты какими-то тряпками, обуты в большие калоши, привязанные веревками.

Так ходила она от деревни к деревне, из дома в дом. Никто не знал ее имени. Войдя в дом, она поворачивалась личиком к притвору двери и еле слышно просила: "Тай сира кока". Она не говорила по-русски. Какой смысл был в ее словах? Может, что-то произносила по-карельски? Все сочли, что она просит сырой картошки. И ее стали звать "Сыра кока".

Сырой картошки не давали, так как ей не под силу нести. Кто даст кусочек житника, кто - вареную картофелину, сами-то впроголодь жили: новый урожай не собран, а старый давно съеден.

Как только выпал первый снежок, начались осенние заморозки. Сыра кока перестала ходить по деревням. Она выходила к пассажирским поездам, воинским эшелонам - солдаты ее щедро подкармливали. Но скоро большая семья потеряла маленькую кормилицу. Девочка переходила на перрон под вагоном соседнего поезда - поезд тронулся...

АЭРОПЛАН

Над деревней сгущались сумерки, сыпал густой, мелкий снег. Вдруг послышался шум снижающегося самолета. Он приземлился на широкое поле возле самой деревни. Вездесущая ребятня быстро разнесла новость: аэроплан сел в Кильдин (так называлось поле).

Все сбежались к самолету, окружили, никто не видал так близко такую махину, всем хотелось потрогать руками. А самолет оказался из фанеры.

Летчик вышел в унтах, куртке, шлеме, с планшеткой через плечо.

- Где тут у вас начальство?

А в нашей деревне начальство - Анна Андреевна Курицына. Сельский совет и правление колхоза находились в Горе - за 2,5 километра. Телефон на все Подпорожье один - в сельсовете. Пилоту нужно было сообщить кому-то о своем местонахождении. Бригадир дала распоряжение конюху о выделении лошади. Двое ребяташек вызвались прокатиться до Горы. Летчик ночевал в доме бригадира.

Утром, задолго до его прихода, любопытная толпа собралась у самолета. Пилот поднялся в самолет и попросил юных мужичков (взрослое-то мужское население на зиму отправлялось на путину в Покровское или Кянду) покрутить пропеллер. Мальчишки крутили, а мотор не заводился. Помочь больше некому, от женщин - толку мало. Крутили - крутили, наконец, мотор взревел, летчик крикнул: "От винта!" Самолет медленно двинулся по полю, набрав скорость, оторвался от земли и взял курс на Онегу.

Дочка бригадира, Бета Курицына, рассказала, что аэроплан приземлился из-за плохой погоды, а вез он медикаменты в госпиталь. И похвастала, что летчик дал ей шоколадку.

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ

Появление цыганского табора на селе в довоенные годы летом было не редкостью. Располагался он у нас возле Зайкова ручья, там стоял дом сплавщиков, и на случай дождя крыша над головой обеспечена. А тут, в военное время, зимой, цыганская кибитка из-за реки привернула в нашу деревню. Семья из четырех человек - цыган, цыганка и двое чумазых цыганят - остановилась в доме вдовы.

С утра цыганка начала свой рабочий день. Обратила внимание

на большой двухэтажный дом и решила: вот куда я зайду. Дома оказалось двое престарелых хозяев - Павел Александрович и Акулина Ивановна Вересовы. Внуки ушли в школу, сноха Маня управлялась на конюшне. Павел Александрович был в своей комнате за русской печкой, Акулина Ивановна сидела за прялкой.

Нежданная гостья начала обрабатывать старушку.

– У вас есть кто на фронте?

– Был, да вот извещение получили: погиб, - Акулина Ивановна вытерла фартуком набежавшие слезы.

– Хочешь, погадаю? Правду скажу.

Не дожидаясь согласия, цыганка достала шелковую нитку, перед глазами старушки завязала множество узелков, подула на нитку, что-то пробормотала, дернула за концы - и все узлы развязались.

– Жив ваш сын, ранен он, - заявила гадалка. И за такое сообщение попросила вознаграждение продуктами.

С радости Акулина Ивановна предложила мяса только что зарезанного месячного теленка, висевшего в сарае. Она была готова все отдать. Дала цыганке большой нож и повела к теленку. Вещунья настрогала, сколько могла, мяса и ушла.

Маня вечером пошла дать корове сена и увидела, что туша сузилась. Узнав, что произошло, села на табуретку и горько заплакала: "Ты ведь у детей взяла!" Свекровь без конца повторяла: она же сказала, что Петя жив, только ранен.

Надо же случиться такому совпадению - через несколько дней пришло от Петра письмо из госпиталя: он писал, что легко ранен и после лечения поедет снова на фронт. Все успокоились и поверили цыганке.

Но Петру Павловичу не суждено было вырнуться домой.

СБРОШЕНО СТРАШНОЕ ПОКРЫВАЛО

У каждого человека есть день в году, когда воспоминания приобретают силу реальности. У того, кто пережил войну, я думаю, это День Победы.

Об окончании войны мы в тот день узнали утром, придя в школу. Занятия отменили. В школьном коридоре расставили скамейки. Собрались учащиеся и жители деревни Гора, центра Подпорожского сельского Совета. В остальных деревнях еще ничего не знали.

С небольшим докладом выступила директор школы А.И. Харитоновна (ныне Поспелова), закончившая выступление словами: "Слава героям-победителям". В рядах послышался тихий недовольный ропот: "А кто погиб, тому и ничего?" Это разговаривали снохи Каширины, Татьяна Федоровна и Надежда Андреевна. Тогда еще просто Тая и Надя, солдатские вдовы, оставшиеся с тремя детьми на руках.

Александра Ивановна, не понимая, в чем дело, вопросительно посмотрела на них, догадавшись, пояснила: "Герои не только те, кто сражался до победного конца, а и те, кто отдал свои жизни. И вечная им память". Вот этих-то слов и ждали вдовы от докладчика.

Был теплый солнечный день. На реке все еще лежал набухший, почерневший лед, по берегам течение несло большие, грязные, прибрежные льдины.

Мы, как никогда, спешили домой, перегоняя друг друга, каждый старался первым принести в свою деревню радостную весть. Но опоздали.

Меня всю дорогу не покидала мысль: как же встретят новость мама и сестра Паля. Войдя в свой проулочек, увидела их в объятьях. Уткнувшись лицом в плечо друг другу, они громко рыдали, причитая: "Наши-то не при-и-ду-у-т", они оплакивали моих сводных по ма-

теринской и отцовской линии братьев Дмитрия и Анатолия и мужа Паля, ушедшего на фронт, оставившего ее беременную, с пятью детьми, и пропавшего без вести.

Трудно сказать, чего в этот день было больше: радости или скорби. В наших же семьях стояла глубокая скорбь. И сколько еще впереди оставалось невыплаканных слез. Слез невосполнимой утраты, безнадежности, социальной несправедливости. Мама, будучи инвалидом второй группы, не получала пенсию за сына по той причине, что трудоспособность потеряла спустя более двух лет после его гибели. Сестре отказано в пенсии детям в связи с тем, что муж не погиб, а пропал без вести...

Нелегко растить шестерых детей в мирное время при живом отце, а во время войны, когда мать в семье была единственной опорой - это героический подвиг, которого, кстати, никто и не заметил. Сколько было унижительных выходов к председателю колхоза с просьбой выписать сколько-нибудь зерна детям хотя бы в счет будущего урожая, в райсобес - за единовременной помощью, которая составляла 150 рублей (на что и килограмма хлеба на базаре не купишь). А в райсобесе - многочисленные очереди обделенных вниманием стариков, вдов. Но закон строг: не положено и все. Что тут до горя и слез!..

И только в труде та же Паля находила выход из положения, в труде за двоих, а иногда и за троих, чтоб как-то прокормить детей. В труде, почти бесплатном: трудодень оплачивался копейками и граммами хлеба. Плуг, коса, серп, лопата, вилы - всем умела владеть эта женщина, полуголодная, полуодетая. Её жизнь - образец мужества, стойкости, самообладания. Правда, были минуты отчаяния. Как-то, обессилевшая на пашне, откинув плуг, привязав лошадь, она упала на межу. Сняв платок с головы, вытирая пот и слезы, вопрошала: "Господи, за что-о-о? За что, господи-и?". Вопрос безответно повис в воздухе...

Разве расскажешь коротко обо всем, что мы видели каждый день рядом, что переживали вместе с другими и что впитывали в себя?

...Во второй половине дня двинулся лед на реке, а к вечеру только на берегах остались горы льда, ропаки, как их у нас называют.

Сбросила река свое тяжелое зимнее покрывало и вместе с ним - груз страшных лет.

8 мая 1993 года

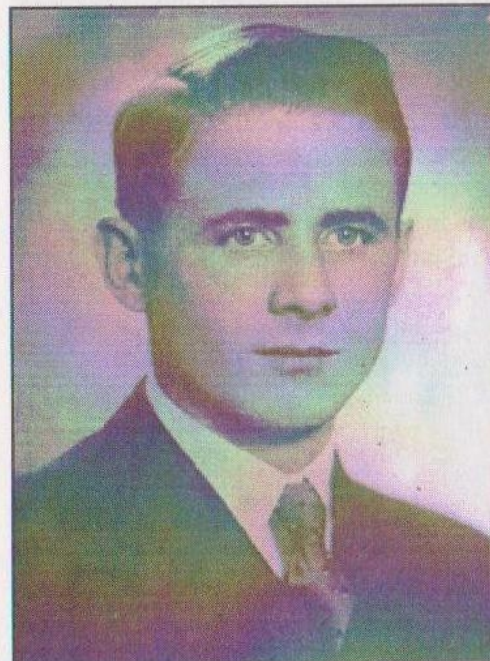
КОСТЕНЬКА - МОРОШИНКА

Задержалась дома во время обеденного перерыва Паша Борисова, боевая, небольшого роста, круглолицая, черноглазая, способ-

ная и на острое слово женщина. Прибежав впопыхах на поле, где уже полным ходом шла жатва, сообщает новость:

- Женки, смотрю я сейчас в окно, идут трое, испугалась, думаю: начальство какое-то приехало, а я еще дома, и бегом впереди их на работу. Потом остановилась, пригляделась, а это, оказывается, Колька Копыл, Витька Куропоть, да Костенька-морошинка приехали.

Вскоре после войны удалось встретиться на родной земле друзьям Николаю Павловичу Вересовому, Виктору Николаевичу Гостеву, Константину Ивановичу

Брат - Курицын Константин Иванович, сын отца от первого брака.

Фото 1938 года, Прага.

чу Курицыну. Ну, а что Копыл и Куропоть, так это безобидные деревенские прозвища. Много было в деревне Гостевых да еще и с одинаковыми именами, поэтому, чтобы различать, семьи имели две фамилии: Гостевы - Куроптевы и Баралины, Вересовые - Копыловы и Бальянкины. Константина Ивановича за нежное девичье лицо с ярким розовым румянцем прозвали морошинкой.

Сколько защитников отечества взрастила подпорожская земля, сейчас уже никто не скажет, лежать же в сырой земле на чужбине остались более ста человек.

У этих троих земляков из немногих вернувшихся в живых, одно деревенское детство, одна служба в армии, в остальном по-разному сложилась жизнь довоенного времени. И война прописала их на разных фронтах и на разные сроки. Николай Павлович прошел войну с первого и до последнего ее дня. Виктор Николаевич вернулся с тяжелым ранением: врачи прогнозировали ему год-полтора жизни. Константин Иванович воевал чуть больше года, но вражескую пулю носил около сердца до конца своих дней.

Прага. Здесь располагалось Советское посольство до войны и после, в настоящее время – Российское посольство.

Оглянувшись на прожитые годы, обо всех можно сказать: не запятели себя, трудились с полной отдачей, вели общественную работу, пользовались исключительным авторитетом, уважением в трудовых коллективах и у себя на родине.

Ушли в мир иной Виктор Николаевич и Константин Иванович.

О земляках своих, к сожалению, я знаю немногое, а вот о брате Косте хотелось бы поведать.

В 1930 году закончил 8 классов 9-летней школы в Онеге, здесь же поступил в лесосплавной техникум, закончил два курса. Техникум перевели в Двинской Березник, туда ехать не было возможности. До призыва в Красную Армию работал десятником в Подпорожском лесопункте Онежского леспромхоза. Службу проходил в войсках НКВД на Украине.

Перед окончанием службы командование предложило оформиться в Народный комиссариат иностранных дел для работы в полпредстве СССР в Чехословакии. После тщательной проверки через местные органы всех близких родственников, в 1938 году выехал в Прагу, где и работал в полпредстве СССР до начала войны. Всю жизнь с благоговением вспоминал о прожитом там времени.

После оккупации немцами Чехословакии сотрудники Советского полпредства оставались на своих местах, а когда войска оккупантов вторглись на территорию СССР, все наше представительство с семьями интернировали на Родину.

После прибытия в Москву Константин Иванович жену отправил поездом в Подпорожье, а его призвали в армию и направили в 155-ю стрелковую дивизию Калининского фронта с зачислением на курсы младших лейтенантов. По окончании их служил командиром взвода разведки. Осенью 1942 года при выполнении задания по захвату "языка" был тяжело ранен в грудь. Из медсанбата эвакуирован в Магнитогорский госпиталь. Пулю не удалили, так и осталась она в мягких тканях позади правого предсердия.

По окончании лечения до конца войны брат служил в 33-м запасном стрелковом полку г. Архангельска, где призывники проходили курс молодого бойца. Словно частицу сердца отрывал он, отправляя этих юнцов на фронт. Даже в самые последние дни жизни, когда

он уже не узнавал своих родных, в беспамятстве кому-то пояснял:

– Ребята учатся гранаты метать.

Закончилась война: Константина Ивановича отправляют в Вологодский облвоенкомат, где и проходил службу в Междуреченском, Устюженском, Велико-Устюгском райвоенкоматах.

Многokrатно избирался депутатом местных Советов, секретарем парторганизации. После увольнения в запас в звании майора в 1960 году трудился на разных должностях еще 30 лет.

Награжден двумя орденами "Красной звезды", медалью "За боевые заслуги", юбилейными медалями.

С женой, Людмилой Александровной, они воспитали двоих замечательных детей, дочь и сына, дав им высшее образование. Отец был для них безукоризненным авторитетом.

А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Иосиф Акимович Келарев - один из немногих, кто после войны вернулся к родным корням, вскормившим и выведшим на дорогу жизни. Призванный в армию в 1939 году, служил в артиллерийских войсках в Красноярском крае, на Енисее, здесь и застала весть о нападении Германии на Советский Союз. В первые же дни воинским эшелонам отправили на фронт. Воевал в Калининской области, пока не перебросили на Орловско-Курскую дугу.

– Мы, - вспоминает Иосиф Акимович, - начали войну с орудием на лошадаках, пехота впереди, - а враг против нас - на мотоциклах, танках, тягачах с тяжелым орудием. Да, отступали. Попали в окружение, двенадцать суток пробирались к своим. Вышли из окружения к линии фронта в пехотный полк. На курской дуге стояли насмерть. Стволы были красные, по 30 снарядов в час выпускали.

За эти бои он получил первую награду - орден Славы 3 степени. Впереди предстоял путь с боями по оскверненной, разрушенной, разграбленной земле русской и белорусской. Прошел Польшу, Восточную Пруссию, пересек границу Германии. Много видел смертей, терял друзей, но самое страшное, что до сих пор стоит перед глазами: женщина с ребенком на руках, проколотые штыком. Так зверствовали фашисты при отступлении.

За несколько дней до окончания войны царапнуло Иосифу Николаевичу руку осколком, за помощью не обратился, не хотел терять время. Но рана загноилась, пришлось идти в госпиталь, где и встретил долгожданный День Победы. Войну закончил в звании старшины батареи. Его ратный труд отмечен еще и медалями "За отвагу", "За освобождение Варшавы", за взятие Берлина", "За победу над Германией". Домой вернулся в 1946 году.

До выхода на заслуженный отдых, 33 года трудился в Онежской сплавной конторе. И на мирной стезе бывший боевой солдат не позволял себе послабления: его добросовестный труд отмечен многочисленными почетными грамотами, денежными премиями, медалями.

Женился Иосиф Акимович на своей деревенской девушке Жене Ларионовой. В выборе не ошибся: 44 года прожили в мире и согласии, воспитали троих детей, достойных себе, трудолюбивых. В школьные каникулы дом Келаревых наполняется детскими голосами: у них шесть внуков. А значит, жизнь продолжается.

РЯБОК... НА ТРИ КИЛО

Любаша - первогодна молода (так звали женщину, что первый год замужем). Забросила ее судьба в лесопункт, 230-го км железной дороги. Работала продавцом. Приглянулся ей деревенский парень Венья Вересовой. Поженились. Переехала Люба в деревню, в роди-

тельский дом мужа. Нашлось место в магазине соседней деревни, хоть и далеко, - за 2,5 км.

Возвращаясь как-то с работы осенним вечером, она встретила местного охотника, худощавого, с реденькой рыжеватой бородкой, известного в округе шутника. Михаил Николаевич, ни дать - ни взять, шолоховский дед Щукарь. И прозвище имел доброе - Родной.

"Здравствуй, Михаил Николаевич, на охоту ходил? - поприветствовав, спросила Любаша.

- Ой, Любушка, здорово. Ходил - ходил.

- Убил кого

- Убил, как же.

- Кого?

- Да, ряба.

- Большого?

- Большого, килограмма на три будет, - довольно серьезно пошутил дед.

- У-у, хорошо, - разошлись.

Едва перешагнув порог, Люба попрекнула молодого мужа:

- Сидишь дома, вон Родной на охоту ходил, ряба на три кило убил.

- Да ты хоть знаешь, что такое ряб-то?

Откуда знать городской девчонке, что такое ряб, тетерев, глухарь - птица и птица. А узнав, Любаша улыбнулась шутке Родного.

КАБАНЫ

В восьмидесятых годах повадились к нам в Дворовое поле (здесь земельные наделы сельчан) кабаны наведываться. Едва картофель начнет клубеньки набирать - они - тут как тут. Ночь пасутся здесь, ночь - в соседней деревне Горе, а то и вообще не придут.

Вересовые жили у самых полей, вот и решили натянуть верев-

ку, нанизать банок и привязать к вбитому колу. Ночью время от времени дергали за веревку, банки позвякивали, а кабаны все равно делали свое дело.

Тогда мужики решили поочередно дежурить. Но разве кабаны придут, если дежурные, словно кочегарки, дымят сигаретами. Только Галя Сенина каждую ночь одна настойчиво, добросовестно несла службу по охране полей. В конце августа ночи темные, росы холодные. Сидит как-то на меже, и, вроде, задремала. Слышит, в кустах затрещали сучья. Галя спросонья как закричит во все горло и ну, материться! Вся живность на деревне переполошилась, заблеяли ее овцы. Проснулись люди. А кабаны, испугавшись больше Гали, дали деру в лес. После этого Галя не садилась на межу, а ходила вдоль полей: то насвистывала, то лаяла по-собачьи, то кукарекала, то песни пела. И кабаны не подходили.

Но как-то она приболела и попросила односельчанина: "Николай Васильевич, подежурь сегодня". К Вересовым на выходной день приехал сын Володя с сынишкой. Он и вызвался подежурить, договорились: Володя - до двух часов ночи, а Николай Васильевич - до утра. Попросился с отцом и пятилетний Павлик. Николай Васильевич - человек беспокойный: назначено время - не проспит. Поднялся он в час ночи, взял ружье и пошел на дежурство. Подходит к своему полю и видит: кабан уже побывал, пропахав две борозды. Где же сторож? Прошел вдоль поля к низине. Там - копка сена. Под копной, укутанный в полушубок, посапывает ребенок, о копну поставлено ружье. Спит и сторож, рядом пустая бутылка и будильник, заведенный на 1 час 45 минут. Рановато сменщик пришел, не успел будильник прозвенеть. Николай Васильевич хотел выстрелить вверх, разбудить сторожа, но побоялся испугать ребенка...

ДОГАДЛИВЫЙ ВОРОНКО

Отправился обоз колхозных лошадей за сеном на приморские покосы, а это километров за двадцать. Дни зимние коротки, и чтобы вернуться пораньше, выезжали довольно рано.

Воронко, доставшийся Маше, привередливый: как понадобится справиться нужду - встанет и - погоняй- не погоняй - не тронется с места. Попали они в середину обоза. Мороз потрескивает, скрипят полозья, убаюкивают, погружают в сон, в тулупе - тепло.

И вот настал момент: остановился Воронко, обогнали их идущие сзади. Воронко сделал, что надо и стоит. Никто его не подгоняет. Постоял, подумал, да и повернулся назад. Снова скрипят полозья, слегка покачивает на дровнях из стороны в сторону по наезженной дороге.

Проснулась Маша от веселого ржания Воронка: вернулся он домой.

Прибежала бригадир, пожурила молодую колхозницу, но уже ничего не поправишь...

ОБ АВТОРЕ

Родилась 2 марта 1930 года в деревне Подпорожье, хотя это - село, в состав которого входили деревни: Амосовская, Гора, Грибановская, Медведевская, Наумовская, Софрановская.

Родители - колхозники: отец Курицын Иван Иванович, мать Курицына Мария Ивановна, поженились в достаточно зрелом возрасте соответственно 48 и 36 лет, будучи вдовыми, имеющими детей от первых браков.

В Подпорожье была только начальная школа, поэтому большинство сельских ребятшек, не имея материальной возможности, остались с образованием на уровне четырех классов. С начала войны в наше село эвакуировался Кестеньгский лестранхоз из Карелии. Пополнился наш сельский детский контингент, и школа приобрела статус "Неполной средней школы". Детям 1929-1930 годов рождения представилась возможность получить семилетнее образование.

*Родионова Воля Ивановна,
июнь 1968 г.*

Школу закончила на 4 и 5 в 1945 году. В марте этого года ушёл из жизни отец, мама - инвалид второй группы. Денег в доме - ни копейки, никаких пенсий колхозники не получали, ни по старости, ни по потере кормильца - колхозника. Я много плакала, понимая, что дальше в знания дорога закрыта, а учиться было огромное желание. Нашлись добрые люди - это наши земляки, живущие в посёлке Дальнем (л/з 32-33) Вересовые Аннолинария Васильевна и Константин Павлович, приютили. И жила я у них по существу бесплатно, отдавая лишь свой месячный паёк: всю жизнь им благодарна. Окончила восьмой класс средней школы № 2.

Вернувшись домой, встретила подругу - одноклассницу: она уже работала почтальоном. "Давай поедем, - говорит она, - в Малошуйку, там Шура Келарева работает билетным кассиром, ей нравится."

Поехали. Приехали. В пять организаций обратились - нигде не берут. Маленькие, худенькие, военные заморыши. В ответ слышим, то работа тяжёлая, то ответственная, связанная с движением поездов, то материально-ответственная, а нам нет 18-ти. В расстроенных чувствах ждём поезда. Тут, к счастью, подходит к нам земляк, Лёша Заборщиков: "Идите к нам: требуются ученики телеграфистов и телефонистов". В то время все эвакуированные кадры возвращались в свои края, на их место набирали местных. На этом мы и остановились.

По окончании учёбы нас перевели в Мудьюгу. Здесь, в железнодорожном служебном телеграфе, отработала на аппарате "Морзе" 16 лет. Работа очень нравилась, почерк был хороший, чёткий.

Здесь, в Мудьюге, прошла юность. Здесь познала чув-

ство первой, юной, светлой, чистой любви, оставшееся на всю жизнь первым. Закончила 9-й класс вечерней школы, и опять учёба оборвалась: 10-й класс не разрешили открывать, так как не было учителей с высшим педагогическим образованием. Здесь вступила в комсомол, с интересом занималась общественной работой: была членом месткома, секретарём комсомольской организации связи, секретарём узлового комитета ВЛКСМ, депутатом поселкового Совета.

В 1954 году стала членом КПСС. В этом же году вышла замуж за вонгудского рабочего парня Колю Родионова (он работал у нас в дистанции сигнализации и связи монтёром) делового, трудолюбивого, порядочного человека, оказавшегося потом хорошим семьянином, отцом, помощником во всех моих домашних делах. В Мудьюге у нас родилось трое детей, и жилищные проблемы заставили переехать в Онегу, где купили дом.

Так складывались обстоятельства, что мне пришлось сменить не одно место работы. Шесть лет работала на железнодорожной станции Онега стрелочником, приёмодатчиком грузов, билетным кассиром. Хороший коллектив, всё устраивало, но по сложившимся обстоятельствам перешла на лесобазу Рочево, где работала десятником, мастером в водно-бревенном цехе разделки. Отсюда по решению бюро горкома переведена в Онежское районное агентство "Союзпечать", где и закончила свою трудовую деятельность.

В Онеге родился ещё сынок. Это были счастливые годы семейной жизни: сами молодые, здоровые, в доме детский смех и радость и, конечно, интересная, любимая работа, дружный работоспособный коллектив штатных и

общественных работников, работников отделений связи.

В Онеге закончила 10-й и 11-й классы вечерней школы, имея уже четырёх детей: спасибо мужу за помощь по дому. Много времени уделяла общественной работе: была секретарём партийной организации, председателем группы народного контроля, членом ГК КПСС, приходилось возглавлять избирательную участковую комиссию и выезжать в район представителем ГК КПСС в день выборов. Более 50-ти лет сотрудничала с газетой "Советская Онега", потом "Онега", была какое-то время внештатным корреспондентом. Закончила общественную работу старостой в Подпорожье, где мы, выйдя на пенсию, прожили 20 лет.

Сейчас я счастливая мать своих детей. Старший сын Владимир - водитель в "Онегалесе", дочь Тамара закончила два техникума и институт, работает в финансово-экономическом управлении администрации. Дочь Светлана - техникум лёгкой промышленности в Москве, работает не по специальности - в паспортном отделе. Сын Сергей закончил Архангельское мореходное училище - капитан, работает в Мурманске, в акватории Кольского залива. У меня 8 внуков, 4 правнука, такая вот большая семья и я счастлива.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
1. И умножились мы за труды и смирение	3
2. Красный разведчик	9
3. Кадриль перед алтарём...	12
4. Суда не было, была судьба...	15
5. Родина нас не забудет	19
6. Прямая борозда	22
7. Дом	28
8. Маленькая кормилица	33
9. Аэроплан	34
10. Нежданная гостя	35
11. Сброшено страшное покрывало	37
12. Костенька-морошинка	39
13. А жизнь продолжается	42
14. Рябок на три кило	43
15. Кабаны	44
16. Догадливый Воронко	46
17. Об авторе	47

© Родионова Воля Ивановна

Люди и судьбы

Технический редактор — **Н.Большакова**,
заслуженный работник культуры РФ.

Вёрстка Л.Шилина.

Печать А. Савинский.

84(2Р.чАр.) - 2б
к Р60

Воля РОДИОНОВА

Люди и судьбы

г.Онега, 2007